

МИИУЭП

Международный институт
информатики, управления,
экономики и права

«Неформальная» экономика России: структура, организация и трансформации

Манусов В.М.

УДК 33.117: 334.7.012

ББК 65.209

М24

Научные рецензенты:

профессор, д.п.н. А.А. Лобжанидзе

профессор, д.г.н. Д.Л. Лопатников

Манусов В.В. «Неформальная» экономика России: структура, организация и трансформации. Монография. – М.: Логомаг, 2018. – 208 с.

В работе рассматривается «неформальная» экономика, как структурная составная часть хозяйственного комплекса и ее развитие в системе историко-генетических циклов России. Это отличает ее от многих работ по данной проблематике. В монографии излагается авторский подход к развитию и трансформации данной подсистемы, как экономического явления, с учетом этноконфессиональной, географической и исторической специфики развития России и ее отдельных регионов. Таким образом, такое явление, как «неформальная» экономика анализируется, в том числе, с позиции геоэкономики, этноэкономики и этногеографии, что позволяет максимально объективно определить место и значение неформальной подсистемы в хозяйственном комплексе России.

© ООО «ЛОГОМАГ»
ISBN 978-5-905025-56-3

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Цивилизационные факторы формирования и трансформации «неформальной» экономики в системе мирового хозяйства.....	10
Глава 2. Формирование и трансформация «неформальной» экономики России в период становления и развития российского государства.....	32
Глава 3. «Неформальная» экономика России в начале XX века.....	57
Глава 4. «Неформальная» экономика в период Советского Союза.....	73
Глава 5. «Неформальная» экономика в России в переходный период развития хозяйственного комплекса.....	102
Глава 6. Социально-экономические подходы к регулированию и снижению роли «неформальной» экономики в России.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	194
Литература.....	197

Глава 1. Цивилизационные факторы формирования и трансформации «неформальной» экономики в системе мирового хозяйства.

Неформальная экономика, по сути дела, является обратной стороной медали официальной хозяйственной системы. Однако, следует понимать, что индивидуальная специфика цивилизационного развития территории во многом предопределяла, присущую только ей, экономическую модель. Соответственно для нее был характерен свой неформальный сектор, с собственной отраслевой и территориальной структурой. Он трансформировался и видоизменялся вместе легальной экономикой, находясь с ней в противоцикле.

Для понимания формирования отраслевой структуры, развития и трансформации неформальной экономики в России необходимо понять пути развития всей мирохозяйственной системы. Поэтому первая глава будет посвящена краткой характеристике общим цивилизационным путям развития. Уже анализируя их, станет понятным путь историко-генетического развития России и ее место в цивилизационных системах. Соответственно предопределится структура и специфика «неформальной» экономики, как составной части хозяйственного комплекса.

При всем многообразии региональных экономических систем в мировом хозяйстве можно выделить два основных цивилизационных подхода к развитию национальных комплексов, которые, в свою очередь, предопределили их «неформальную» компоненту.

Первый цивилизационный путь, ставший ядром мирохозяйственной системы - это европейский, сформировавший рыночные отношения, с доминирующими принципами права частной собственности в экономике.

Он был заложен еще в античное время, и соотносится с эллиническим миром. Уже законы Солона, провозглашали права частной собственности и признания прав граждан. [см.:131] Земельные наделы законодательно не могли являться объектами купли продажи и оставались за собственником, даже если он не мог погасить свои кредитные обязательства. В таком случае на землю мог накладываться только арест. Даже религиозные постулаты определяли подобный подход. У каждого хозяйства были свои домашние боги - «пелаты». В Древнем Риме действовал Закон Двенадцати Таблиц. По сути, можно говорить о специфическом либеральном развитии в условиях технологического уклада того периода. Так уже в эпоху позднего эллинизма возникли разнообразные формы организации производства, собственности, обмена, финансово-кредитных отношений. В Римской империи сформировалась достаточно сложная система многоотраслевого хозяйства, в значитель-

ной степени ориентированная на рынок. Хозяйственный комплекс включал в себя как крестьянское мелкотоварное производство, так и крупные эргастерии, и латифундии, организованные по типу мануфактурного производства, где было занято до тысячи человек. Крупные предприятия функционировали в таких отраслях, как горное дело, а также в производстве мебели, текстильных, керамических и металлических изделий, оружия. В финансовой системе Греции формировались храмовые и частные денежные банки, выдавшие ссудные кредиты под процент.

По сути дела, в конце античного периода сложилась специфическая, многоукладная экономика, включавшая в себя различные формы собственности такие, как государственная, частная, личная и общинная. Применительно к тому периоду времени можно говорить и о первых экономических конфликтах, переходящих в войны. Классическим примером являются войны между Римом и Карфагеном (Пунические войны), в основе которых лежали чисто экономические причины.

На базе экономической системы формировался институт права (римское право - *jusvetus*). Однако уже в эпоху императора Юстиниана многие законы были утеряны или же требовали адаптации к видоизменившейся системе. Они не соответствовали реалиям времени и зачастую вступали в противоречие друг с другом и действующими конституциями императора. Поэтому мнения различных юристов в каждом спорном случае отличались друг от друга и их точки зрения находили подтверждение в различных законодательных актах римского права. При этом их позиции находили подтверждение в различных законодательных актах римского права. В таком случае решение определялось всего лишь общим количеством голосов, придерживающихся того или иного вердикта.

Можно сказать, о том, что империя Юстиниана была, не полностью обеспечена ясными и четкими юридическими правилами, регулирующими, в том числе и ее институциональную систему. Имелась настоятельная потребность в систематизации устаревших и современных указов, юридических норм и законов, привести правовую систему в строгое соответствие с духом римского права. Были предложены Кодификации, разделяющиеся на несколько основных частей, каждая из которых освещала отдельный вектор правовых предложений и вопросов. Таким образом, римское право было систематизировано.

Главный тезис этой цивилизационной системы - либеральное развитие рынков, экономическая свобода его участников.

Безусловным лидером этого процесса эпоху Средневековья была Великобритания, где еще во времена короля Джона (Иоанна) Безземельного в 1215 году была принята Великая Хартия Вольностей. Хотелось бы привести некоторые выдержки из нее: «Свобод-

ный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество (*salvo contentamento suo*); таким же образом (будет штрафоваться) и купец, и его товар останется неприкосновенным; и виллан таким же образом будет штрафоваться, и у него останется неприкосновенным его инвентарь, если они подвергнутся штрафу.

И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города и бурги и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи.

Впредь никакой чиновник не должен привлекать кого-либо к ответу (на суде, с применением ордалий) лишь на основании своего собственного устного заявления, не привлекая для этого заслуживающих доверия свидетелей.

Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

Все купцы должны иметь право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию, и пребывать, и ездить по Англии, как на суше, так и по воде, для того, чтобы покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины, за исключением военного времени и если они будут из земли, воюющей против нас; и если также окажутся в нашей земле в начале войны, они должны быть задержаны без ущерба для их тела и имущества, пока мы или великий юстициарий наш не узнаем, как обращаются с купцами нашей земли, находящимися тогда в земле, воюющей против нас; и если наши там в безопасности, то и те другие должны быть в безопасности в нашей земле.

Каждому пусть впредь будет позволено выезжать из нашего королевства и возвращаться в полной безопасности, по суше и по воде, лишь сохраняя верность нам; изъятие делается, в интересах общей пользы королевства, только для некоторого короткого времени в военное время; исключаются сидящие в заключении и поставленные, согласно закону королевства, вне закона, а также люди из земли, воюющей с нами, и купцы, с которыми надлежит поступать так, как сказано выше».[см.:148] Именно она заложила основы современного республиканского строя и либеральных отношений. Впоследствии система

либеральных ценностей распространилась и на переселенческие страны - США, Канаду и Австралийский Союз.

Изучение цивилизационных норм морали экономистами показывает взаимосвязь развития формальной и неформальной составляющих экономических комплексов различных стран. Следует понимать, что система институтов, заложенных данным цивилизационным путем, также была, хоть и в меньшей степени, подвержена коррупции. Именно она привела к расколу в Римской католической церкви. Для этого стоит только вспомнить памфлет М. Лютера и Ф. Меланхтона «Папский осел» с его ярко выраженной антикоррупционной направленностью. Однако сама экономика рынка в большей степени трансформировала и нивелировала коммерциализацию государственного аппарата, чем контрактная экономика.

Нормы морали, заложенные протестантизмом и особенности экономико-географического положения отдельных регионов и стран, учитывали в своих работах М. Вебер «Протестантская этика и дух капитализма» и В. фон Зомбарт «Роль ломбардцев в мировой экономике». [см.:33] При этом Вебер экстраполировал протестантскую мораль на рыночные отношения. Вебер показал, что пуритане, определявшие свой труд желанием угодить Богу, а не жадной стяжательством, выработали у себя определенные добродетели, такие как честность, бережливость и т.п. Они в свою очередь способствовали накоплению капитала. [см.:11]

Однако разница норм морали у принципиально отличных цивилизаций весьма велика и критерии ее зачастую в экономической сфере полярны. Следует иметь в виду, что сам протестантизм, как религиозное течение, по своим морально-эстетическим нормам адаптировался под систему формирующегося рынка. Фон Зомбарт проводил анализ особенностей экономического и исторического развития Северной Италии, с учетом ее географического положения, как мультипликатора в формировании банковского капитала. [см.:33]

Однако не будем идеализировать современную рыночную систему. Жажда максимизации прибыли на финансовых рынках (и не только на них) приводит к появлению такой экзотики как различные виды производных ценных бумаг: деривативы, фьючерсы, опционы, кредитные дефолтные свопы, облигации, обеспеченные ипотечными закладными (по сути, секьюритизация банками выданных ими ипотечных кредитов) и т.п. Сделки без покрытия, осуществляемые на внебиржевом рынке, крайне негативно влияют на финансовый рынок в целом.

Также можно говорить об иррациональном поведении хедж-фондов, играющих на понижение. Если еще вспомнить такое явление, как иррациональный оптимизм, приводящий к появлению спекулятивных пузырей, подробно описанный в работах лауреата премии имени Нобеля в области экономики Р. Шиллера и бывшего Председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы США А. Гринспена, то начинаем понимать какие последствия для мировой экономики будут иметь эти явления! Надо отметить, что эти процессы размывают границу между формальным и неформальным секторами. Здесь хотелось бы привести пример из работы Р. Шиллера «Иррациональный оптимизм»: «Наибольшая волатильность на американском фондовом рынке наблюдалась в период с 1929 по 1933 годы, когда она была в два раза выше, чем когда-либо в прошлые годы. Это было время повального увлечения азартными играми, но порожденное не их легализацией, а благодаря расцвету организованной преступности в эпоху «сухого закона» в 1920-1933 годах.

После 1920 года начали активно разрастаться преступные группировки, старавшиеся всеми способами удовлетворить потребности населения в алкоголе... Взаимосвязь между азартными играми и волатильностью финансовых рынков, возможно, обусловлена тем, что азартные игры и те, кто стоит за их активным распространением, создали у людей завышенную самооценку относительно их удачливости, а также повышенный интерес к возможностям сравнить себя с другими и новому способу победить скуку и однообразие. В рекламе профессиональные актеры изображают типичные варианты самооправдания игроков. Опыт участия в азартных играх, хотя бы в качестве наблюдателя, тоже может стимулировать фривольное и слишком рискованное поведение на фондовом рынке.».[см.:137] Шиллер приводит пример, в период, когда наблюдался пик на фондовом рынке, в Коннектикуте он видел билборд, рекламирующий внеипподромный тотализатор - на котором было написано: «Как фондовый рынок, только быстрее».[см.:137]

Исходя из губительных последствий для хозяйственной системы, будем считать иррациональную экономику подсистемой «неформальной» экономики, так как ее сущность формируется на худших человеческих качествах таких, как жажда наживы любым путем, невзирая на последствия и иррациональный оптимизм игроков самого рынка, резко переходящий в панические настроения. Это, по сути, не отличает поведение участников фондового рынка от поведения криминальных экономических субъектов, функционирующих на рынке наркотиков и контрафакта, так как в основе лежит та же модель негативной поведенческой экономики. Поэтому А. Гринспен писал: «Действительно, если бы люди действовали так рационально, как говорят классические учебники по экономике, на ко-

торых я вырос, мировой уровень жизни был бы гораздо выше. Но они действуют иначе». [см.:20]

Главный экономист ЕБРР С.М. Гуриев писал: «глобальные дисбалансы не нарушают законы макроэкономики - до тех пор, пока американская финансовая система способна эффективно и надежно работать со сбережениями всего мира. Впрочем, оказалось, что мир переоценил качество американских финансовых рынков. До поры до времени они справлялась с притоком иностранных денег, но в последние годы начали давать сбои. Искушение брать на себя избыточные риски, обусловленное огромным притоком дешевых денег, оказалось слишком сильным. Сочетание этих двух факторов подтолкнуло финансовые институты к безответственному поведению, что и привело к кризису. Доверие к американской системе серьезно подорвано». [см.:23]

П. Сталкер идет дальше, он пишет: «Основные движущие силы рынков – это жадность и страх, но мировая финансовая система слишком важна, чтобы доверять ее настолько примитивным инстинктам». [см.:110] Ник Лисон в 1996 году сумел самостоятельно довести до банкротства старейший британский инвестиционный банк Barings. Поэтому он вошел в экономическую историю, как гениальный мошенник. После раскрытия этой величайшей аферы на его личных счетах осталось 35 миллионов долларов США.

Бернард Мэдофф основал свою компанию еще в 60-е годы. На протяжении более 40 лет компания господина Мэдоффа Bernard L. Madoff Investment Securities считалась одним из базовых и наиболее уважаемых игроков на Уолл-стрит. Благодаря тому, что она обеспечивала стабильную и очень высокую прибыль своим клиентам, возможность инвестировать в нее считалась высокой привилегией. Общие потери крупнейших банков Европы от деятельности хедж-фонда Бернарда Мэдоффа, которого обвиняют в создании финансовой «пирамиды Понци», составили 3,8 миллиарда евро. Клиенты второго по величине банка в Швейцарии Credit Suisse потеряли до 1 миллиарда швейцарских франков (934 миллиона долларов США) в финансовой пирамиде Бернарда Мэдоффа. Управляемый крупнейшим в Швейцарии банком UBS люксембургский фонд Luxalpha инвестировал 1,4 миллиарда долларов США в финансовую пирамиду Бернарда Мэдоффа. [см.:69]

Затем список дополнили такие банки, как испанский Santander (потери около 3.1 миллиарда долларов США), британо-гонконгский HSBC (1 миллиард долларов США), итальянский UniCredit (0.8 миллиарда долларов США), французский BNP Paribas (0.35 миллиарда долларов США) и швейцарский Reichmuth (0.4 миллиарда долларов США); фонды и брокерские фирмы Fairfield Greenwich Group (7.3 миллиарда долларов США), Kingate Management (2.8 миллиарда долларов США), Tremont Capital (1 миллиард долла-

ров США), Fix Asset Management (400 миллионов долларов США), Man Group (350 миллионов долларов США), Maxam Capital Management (280 миллионов долларов США) и EIM Group (200 миллионов долларов США). Позднее, The New York Times проинформировало, что «дело коснулось многих швейцарских банков, женеvский Union Bancaire Privee (UBP), инвестировавший с помощью Мэдоффа средства своих клиентов на сумму 700 миллионов долларов США, оказался наиболее известным из них».

Один из крупнейших американских банков JP Morgan Chase 7 января 2014 года согласился выплатить 1,7 миллиардов долларов США компенсации для пострадавших от махинаций инвестиционного фонда Бернарда Мэдоффа. Представители банка признали, что сама кредитная организация не смогла создать эффективную программу, определившую финансовую пирамиду, а также предупредить власти и инвесторов о подозрительной финансовой активности хедж-фонда как клиента банка. Общие убытки от его деятельности превышали совокупный доход 100 государств. Все это свидетельствует о системном заболевании финансового рынка развитых стран. При этом хотелось бы добавить, что данное явление в экономике рыночных стран, по сути цивилизационная болезнь. В качестве подтверждения можно привести события, происходившие на рынке в Нидерландах уже в XVII веке.

К одной из первых наиболее известных и часто упоминаемых в экономической литературе финансовых пирамид можно отнести так называемую «Тюльпановую лихорадку» (первая половина XVII века, Голландия). Тюльпаномания, как явление объясняется массовым увлечением луковицами тюльпанов в первой половине XVII века в Голландии, в результате чего они стали самым доходным объектом биржевых спекуляций. Тюльпаномания считается самым первым задокументированным экономическим, биржевым «пузырем» в истории. Появившись в Нидерландах в начале XVII века, тюльпан стал крайне популярен у жителей страны. В Амстердаме, Лейдене, Гарлеме были открыты цветочные биржи. Там торговались не только живые, но еще не выросшие «будущие» луковицы. В связи с тем, что тюльпаны растут лишь в определенное время года, голландцы, по сути дела, создали **первый фьючерсный рынок**. Таким образом, заключались сделки на будущее, когда оговаривалось приобретение определенного количества луковиц в оговоренное время. То есть, когда тюльпаны нельзя было приобрести, желающие покупали права на луковицы тюльпана, которые должны были появиться на бирже в будущем. Мода на него была столь высока, что голландцы стали просто одержимыми желанием приобрести свежий тюльпан.

Фактор моды, по сути, создал первый в истории виртуальный сегмент рынка, не относящийся к реальному сектору экономики. При этом получивший свое развитие в биржевом секторе. Объяснить это явление можно только тем, что для покупателей тюльпан стал своеобразным «товаром Веблена», имея который человек получал определенную статусность в обществе. В то же время продавцы стремились максимизировать прибыль, разогревая рынок. Благодаря активности биржевых спекулянтов, цены на фьючерсном рынке взлетели до своих максимальных пределов. На пике ажиотажного спроса цены некоторых луковиц достигали суммы среднего заработка в Голландии за десять лет. Рекорд продаж побил сорт тюльпана *Semper Augustus*. Известна запись о сделке, в которой говорится, что за одну луковицу этого сорта предлагают 6 тысяч гульденов. В 1635 году 40 тюльпанных луковиц были проданы за фантастическую по тем временам сумму - 100000 гульденов. Нередкими также были случаи бартерных сделок, когда одну луковицу обменивали на несколько акров плодородной земли, каменный дом или же за несколько центнеров пшеницы. К тому же при продаже лишь часть можно было оплатить деньгами, а всю оставшуюся сумму отдать зерном, скотом, маслом, сыром или вином.

Тюльпановый «пузырь» лопнул в 1637 году, и стоимость луковиц опустилась до первоначального уровня, что в свою очередь привело к огромному количеству банкротств и краху самой тюльпановой биржи. Подобные события в этот период времени происходили также на рынках Великобритании и Франции (Компания «Южных морей» в Англии и «Компания Индий» или «Миссисипская компания» Джона Ло во Франции). [см.:67]

Следует подчеркнуть, что об этих «болезнях» рынка пишут не только экономисты кейнсианской школы, но и неоклассической, которых сложно обвинить в излишнем увлечении идеей о доминирующей роли государства в экономике. Поэтому можно говорить о том, что современная экономическая система наиболее экономически развитых государств далека от совершенства. Неформальные экономические процессы, разрушая границы официального сектора, оказывают деструктивное воздействие не только на их хозяйственный комплекс, но и благодаря процессу глобализации на всю мировую экономику. Подтверждением этого факта стал мировой экономический кризис 2008 года, который был вызван именно перенасыщением рынка производными ценными бумагами. С позиции автора, он еще далек от завершения.

Эрнандо де Сото, в своем интервью, которое он дал в 2009 году журналистке *The Guardian* Нисе Мак Эрлин, сравнивает настоящую ситуацию в финансовом секторе Великобритании и США с хозяйственными комплексами «банановых республик», основной проблемой которых стала теневая экономика. «То, что сделало капитализм таким сильным

в Европе и Америке, - это строгий учет всех активов, от собственности, до акций. То, что подрывает капитализм сейчас, - это как раз «неучтенные» активы - производные инструменты», - считает экономист. Сейчас, когда большинство этих активов стали «токсичными», то есть средства, которые их обеспечивали, значительно обесценились, главной проблемой становится отсутствие жесткой мировой системы учета деривативов и политика банков по сокрытию достоверной информации. Поэтому США и Великобритания трансформировались, таким образом, в теневые экономики, и останутся в данной подсистеме, пока все производные не будут учтены, а токсичные - не будут изъяты из бухгалтерских отчетностей. Детенивизация мировой экономики возможна лишь при проведении значительной реконструкции фискальных органов, ужесточении контроля за финансовыми рынками, а также избавлением от изотерических финансовых производных инструментов, по сути разрушающих денежно-финансовую систему мира.

Второй путь цивилизационного развития характерен для большинства азиатских государств, где в основе управления хозяйством еще с Античного периода лежала власть абсолютных монархов. Понятия «демократия» и «либерализм», даже в усеченном эллиническом трактовании, полностью отсутствовали. Подобный подход был назван К. Марксом - «азиатский способ производства». [см.:68] В его основе лежала абсолютная власть монарха (деспота), управлявшего своей страной через громоздкий бюрократический аппарат. Собственность принадлежала правителю, а система управления определялась иерархичным, вертикально выстроенным, чиновническим аппаратом. Формула азиатского способа производства складывалась в системе многих азиатских цивилизаций на протяжении тысячелетий. Можно выделить общие черты, характерные для нее:

1. власть-собственность, государственно-общинное (впоследствии императорское, королевское) владение и распоряжение производственными ресурсами, а также результатами производства и их распределение;
2. преобладающие коллективные формы организации труда в рамках общины;
3. деспотическая форма управления сообществом, во главе которого стоят: глава племени, семьи, король, император (последние осуществляют ее через жесткий иерархичный бюрократический аппарат);
4. Внеэкономическое принуждение работников к труду и как следствие отсутствие экономических стимулов в процессе производства;
5. В хозяйственной деятельности доминирует заказ (контрактная экономика), свободная рыночная торговля ограничена и носит фрагментарный характер;
6. относительно демократическая форма управления общиной, руководимой глава-

ми семейств, племени, впоследствии кланов;

7. формальная свобода членов общины, не имеющая, однако, ничего общего со свободой рабочего в рыночной экономике.

Государства, где в основе лежал подобный подход к регулированию рынков, в большей части стали периферией современного мирового хозяйства. Лишь Япония, Китай, Южная Корея и восточноазиатские «драконы» избежали этой участи, трансформировав и адаптировав во второй половине XX века свою модель к рынку.

Азиатский способ производства в настоящий период давал лишь кратковременный эффект экономического роста за относительно небольшой промежуток времени. Это определяется спецификой тоталитарной, мобилизационной экономики, когда большая часть факторов производства направляется жестким административным решением властей в приоритетные сегменты рынка. Однако при этом отсутствует сама система, стимулирующая их естественное развитие. Любое тоталитарное государство в современном мире, основанное на принуждении имеет, как правило, ограниченный во времени (краткосрочный) экономический успех.

Естественно, при неограниченной власти экономика контролируется определенными элитами, которые назначаются главой государства, будь то монарх, диктатор или же авторитарный правитель. Подобная система государственного управления устроена так, что со временем вокруг лидера складывается определенная элита, формирующая под себя достаточно устойчивый и мощный бюрократический аппарат, ее обслуживающий. При этом можно говорить о том, что она также имеет свои взгляды и амбиции, собственные «корпоративные» интересы.

Закрытость высшей власти позволяет бюрократическому аппарату, ориентирующемуся и знающему истинные возможности и ценностные ориентации высшей элиты, ее и слабые и сильные стороны, проводить свою политику, на первом плане которой стоят собственные корпоративные интересы. Основной задачей становится цель, как можно дольше сохранять выгодную для себя ситуацию. Поэтому, вполне логично, что элита и ее аппарат всячески стараются максимально поднять авторитет своего высшего руководителя, подчеркнуть его способности, возвести в Абсолют таланты, скрыть недостатки. В такой ситуации информационное пространство становится закрытым. Вместо объективной информации о социально-экономической ситуации в стране господствует «экономика слухов». Главное, чтобы руководитель находился у власти как можно дольше. Таким образом, бюрократия борется за сохранение властных позиций. В этих же целях она снабжает руководителя «удобной» или же дозированной и препарированной информацией, пред-

лагают соответствующие проекты решений, ориентирует на формируемый ею кадровый состав, подводит к проведению определенной экономической политики. В результате картина о реальной социально-экономической ситуации в государстве становится сильно искаженной, как для «верхов», так и для «низов».

Надо понимать также и то, что руководитель един, а околоэлитное окружение - многочисленное и часто неплохо сплоченное. Даже при небольшом рассогласовании во взаимоотношениях по линии «руководитель - аппарат» первый оказывается, изолирован, с дозированной информацией, под сильным давлением подготовленного «общественного мнения» аппарата, оформляемого как мнение большинства граждан страны. Она формирует государственные институты, по сути, правила игры, под себя. В результате государство попадает в «институциональную ловушку». В. М. Полтерович рассматривал этот процесс, как выбор вариантов, которые более выгодны в краткосрочном периоде, однако в долгосрочном они не просто менее эффективны, чем альтернативные (зарубежные экономисты рассматривали именно такие случаи), но делают дальнейшее развитие либо затрудненным, либо просто невозможным. [см.:94]

Поэтому такой руководитель, отчасти понимая ситуацию, старается сформировать несколько группировок высшей элиты («византийская» или же «византийско-ордынско-османская» форма правления), постоянно сталкивая их между собой, что позволяет сохранять власть долгие годы. Однако, при этом экономические реформы в большей степени декларируются чем реализуются. Данная ситуация определяется тем, что проведению реформ препятствует сама институциональная система. Можно отметить, что в период циклического кризиса переход к новой модели роста экономики затруднен, так как частично блокируется сложившейся системой регуляторов. В результате начинается «борьба» с коррупцией, являющейся логическим следствием подобной системы и частичной сменой элит. Можно проследить, что подобная «борьба», в значительной степени, совпадает с кризисными явлениями в хозяйственном комплексе.

Для экономики государства такая ситуация очень опасна, так как замедляется ее развитие и значительно снижается эффективность. При этом, как уже было сказано выше, расцветает коррупция, не только институциональная, но и рассеянная, так как бюрократы невысокого ранга и работники социальной сферы просто пытаются коммерциализироваться в текущих экономических условиях кризиса. В результате формируется мощный «розовый» рынок. Крайней его формой проявления становится клептократическая форма правления. Таким образом «розовый» рынок разрушает легальную экономику, перерас-

пределяет собственность и резко снижает инвестиционную привлекательность страны. В хозяйственном комплексе усиливается спад и кризис во всех его официальных отраслях.

В процессе проведения данного исследования также рассмотрим некоторые теории и гипотезы цивилизационного развития, к которым будем обращаться по мере необходимости. Это определяется тем, что исследуемый предмет, собственно «неформальная» экономика, всегда является обратной стороной официальной системы и ее институтов. Однако антропологический тип людей формируется в рамках определенной цивилизационной системы, и имеет свой специфический, присущий только ему, набор социально-культурных, религиозных, этических и экономических парадигм. Это определяет индивидуальность развития территории, ее хозяйственного комплекса и его неформальной составляющей.

В рамках теории американского экономиста и социолога лауреата премии имени Нобеля Д. Норта в истории мировых цивилизаций выделяются два основных пути развития общества. Одни основаны на **порядке ограниченного доступа**, в основе других лежит порядок **открытого доступа**. Наиболее распространенными в истории человеческой цивилизации стали, так называемые естественные государства, сформировавшиеся на порядке ограниченного доступа. В тоже время порядки открытого или свободного доступа характерны, по мнению Д. Норта, для западноевропейского и англосаксонского мира.

Собственно, исходным пунктом теории Норта стал принцип, определяющий различия этих двух типов государств заключающийся в том, что имеется ли наличие или отсутствие монополии на насилие со стороны государства. Фундаментальной основой данной теории является положение о том, что в большинстве стран подобная монополия отсутствует. Для предотвращения насилия государству необходимо стимулировать элитные группы таким образом, чтобы, издержки от использования ими собственного насильственного потенциала были бы выше, чем выгоды от предлагаемых привилегий. «Порядки ограниченного доступа суть социальные договоренности – одновременно политические и экономические, благодаря которым мотивы к применению насилия исчезают». [см.:77,111]

Подобные стимулы создаются в результате распределения рент, полученных путем предоставления таким группам различных эксклюзивных прав и возможностей. Соответственно, в рамках данного порядка используются «ренты, ограниченный доступ и привилегии для сдерживания насилия, предоставляя эти ренты и привилегии отдельным лицам и группам, способным на насилие, и создавая для них стимулы кооперироваться, а не бороться друг с другом». [см.:77,111] Распределение рент от монополизации доступа к ре-

сурсам, экономической и политической деятельности и составляет суть порядка ограниченного доступа.

Можно выделить основные черты организации государств, базирующихся на порядке ограниченного доступа (по Д. Норту):

1. широкое распространение получают патрон-клиентские отношения, обслуживающие интересы членов господствующей коалиции;

2. власть, экономика и носители насильственного потенциала тесно взаимосвязаны между собой;

3. невозможно в полной мере реализовать принцип свободной конкуренции - необходимость обеспечения ренты требует монополизации наиболее привлекательных сфер экономики и политики;

4. невозможно обеспечить принцип верховенства права и равенство всех перед законом - «применение и принуждение к соблюдению... законов в коррумпированных судах превращает их в дополнительный источник бенефиций для своих»;

5. невозможно обеспечить реализацию принципов социального государства – масштабы и качество предоставления государственных услуг зависят от того, кому они предоставляются;

6. невозможно обеспечить вертикальные лифты в соответствии с талантами и усердием - члены господствующей коалиции и те, кто входит в их патрон-клиентские связи, всегда будут иметь преимущество. [см.:78,111].

При этом следует понимать, что изменение ситуации, когда внутренние или внешние шоки приводят к тому, что изначально достигнутый баланс нарушается, приостановить конфликты становится практически невозможным. Тогда начинаются переговоры между различными элитными группами о перераспределении рент. В случае если достичь компромисса не удастся, они начинают использовать имеющийся в их распоряжении потенциал насилия с целью силового решения проблемы.

В отличие от стран с доминантой порядка ограниченного доступа, государства с порядком открытого доступа основаны, по мнению авторов гипотезы, на свободной конкуренции в экономической и политической сфере, верховенстве права, что уже само по себе подразумевает монополию государства на применение насилия. При этом понимается, в том числе более широкое распространение деперсонифицированных практик, при которых обезличен носитель тех или иных отношений или получатель тех или иных услуг, в какие бы элитарные структуры или же коалиции он не был встроен. Ренты в подобной системе также генерируются, но они связаны в первую очередь с инновационной, пред-

принимательской деятельностью, а не с искусственной монополизацией тех или иных сфер. [см.:78,79,111].

Основываясь на принципиальных различиях между порядками ограниченного и открытого доступа, Д. Норт и его соавторы пишут о том, что необходимо с особой осторожностью подходить к попыткам непосредственного перенесения тех институциональных форм, которые характерны для современных демократических государств, в условия естественного государства. В таком случае, либо реальное содержание переносимых институтов будет сильно искажено и от них, по сути, останется лишь внешняя оболочка, либо могут быть подорваны договоренности между элитами о принципах распределения рент. В таком случае, импорт институтов приведет к новым всплескам насилия. Однако исследования конкретных стран показали, что ситуация не столь однозначно линейна. Использование институциональных систем характерных для порядков открытого доступа не приводит к выходу за рамки ограниченного доступа, но может повысить качество институтов, что будет способствовать частичной модернизации самих государств. [см.:79].

Д. Норт и его соавторы выделяют три различных типа естественных государств: **хрупкое, базовое и зрелое**. Они определяются генезисом и территориальной спецификой, и определенным циклом их цивилизационного развития. При этом авторы гипотезы подчеркивают, что «не существует четких границ, различающих эти типы. Естественные государства отличаются главным образом структурой государственности и сложностью организаций, которые они могут поддерживать». [см.:77].

Данная теория будет небезынтересна нам для более полного понимания развития неформальных экономических процессов, что в результате позволит понять генезис, специфику функционирования и трансформацию неформальной экономики в России.

Однако следует иметь ввиду, что столь жесткое разграничение этих двух типов государств достаточно условно. Можно говорить о том, что данные черты, выделенные Нортом, доминируют в том или ином типе. Некоторые черты, характерные для государств ограниченного доступа имеют место в странах с открытым доступом, и наоборот.

Естественно, что в подобных условиях формировались различные типы «неформального» сектора хозяйственных комплексов.

Характер и приоритеты экономической деятельности, в том числе и формирование собственной структуры неформальных отраслей (с позиции цивилизационного подхода), в значительной мере предопределяются тем, какими образами мыслят отдельные этносы и их индивиды, с позиции каких ценностных установок они истолковывают экономические явления и трактуют свое отношение к ним. В основе индивидуализма либеральной ры-

ночной модели и поведения субъектов рынка лежит «протестантская» этика, о чем уже говорилось выше. Тогда как в меньшей степени католицизм и в большей степени православие исповедуют коллективный подход к ведению экономической деятельности.

Православие является наиболее консервативной и ортодоксальной ветвью христианства. Поэтому оно не пошло по пути модернизации и рационализации, присущему протестантизму, где утверждалось, что увеличение доходов и рост богатства является благословением Божиим. Так для протестанта его профессиональные обязанности — это долг перед Богом, и перед обществом, для католика - искупление первородного греха. В тоже время православный человек считал доминантным труд духовный, тогда как материальный труд, если он связан увеличением доходов, расценивался как нажива или же гордыня, и соответственно признавался суетным. Примат государства над частной предпринимательской деятельностью в условиях крепостного права также не способствовал развитию предпринимательских способностей.

В исламе этот фактор проявляется еще сильнее, что в свою очередь не могло не сказаться на развитии национальных хозяйственных комплексов.

Хотелось бы подчеркнуть, что **экономические архетипы** формировались, на протяжении длительного временного отрезка, под воздействием целой группы факторов, таких как, природная среда, религиозные вероучения, цивилизационные контакты. Они не статичны, а трансформируются в процессе взаимодействия друг с другом и изменяющейся средой. Так, например, человек, ведущий себя в системе рыночных отношений как «рациональный максимизатор», что уже описано в современных учебниках «Economics» воспринимался бы в кочевых обществах Азии как личность несовместимая с миропорядком, в античной Греции - как нарушитель основного принципа ведения хозяйства - «золотой середины» (самодостаточного потребления), в христианском Средневековье - как стяжатель, а в протестантских культурах Великобритании и Нидерландов в период становления капиталистической системы - как обретающий спасение души благодаря «благу богатства». Каждая из приведенных этических оценок экономического поведения была совершенно естественной и необходимой для развития соответствующих хозяйственных типов - кочевой, античной, средневековой и раннекапиталистической экономик. [см.:107].

Можно отметить интересный факт, что в государствах с высоким индексом индивидуальности населения в «теневом» секторе доминирует иррациональная экономика, опирающаяся на сиюминутное спекулятивное поведение субъектов рынка (особенно в финансовом и биржевом сегментах), определяемое стремлением к максимизации прибыли

любым путем. В странах, где государство доминирует в экономике, в неформальной системе значительную роль играет коррупция («розовый» рынок).

Даже в государствах Европейского Союза с классическим подходом к организации и функционированию рыночной экономики имеются специфические этноконфессиональные и социокультурные различия, которые в свою очередь предопределяют структуру «теневого» сектора. Так, в Италии целом ряде отраслей промышленности, строительстве и сфере услуг преобладают малые семейные фирмы, с официальной численностью сотрудников до пятнадцати человек, что позволяет легально минимизировать налоги. При этом, в подобных малых семейных предприятиях числятся только родственники. С наемными работниками эти фирмы предпочитают производить наличный расчет, неотраженный в бухгалтерской отчетности. Таким образом, владельцы подобных предприятий избегают оплаты расходов на социальное страхование и формируют двойную занятость на рынке труда.

Сохранение малых семейных фирм, не стремящихся к слиянию, определяется исторически сложившимися в итальянском обществе традициями, базирующимися, в том числе и на католическом каноническом праве, где роль семейных ценностей весьма велика и в тоже время не сложилась система доверия в обществе. Это же приводит к росту транзакционных издержек, что делает экономику, как отмечал Р. Коуз, менее эффективной. [см.:151] Для итальянского предпринимателя уклонение от налогов не считается чем-то сверх предосудительным и асоциальным и вписывается в этические нормы. В то время, как в Германии подобное явление противоречит социальным нормам экономического поведения и осуждается подавляющим большинством общества и самими предпринимателями.

Таким образом, можно говорить о крайне разнообразной индивидуальной специфике (индивидуальных экономических архетипах населения) хозяйственных комплексов (с формальной и «неформальной» компонентами) отдельных регионов и стран, сформировавшихся под воздействием этих факторов. Поэтому системы регулирования рынков, по сути, институциональные системы управления в различных регионах мирового хозяйства, сильно различаются и зачастую обладают собственной, присущей только им индивидуальной спецификой цивилизационного развития. Отсюда видны тесные взаимосвязи цивилизационной, этнокультурной и географической составляющих мировой хозяйственной системы в целом и ее «неформального» блока в частности. [см.:67].

Для понимания генезиса развития «неформальной» экономики в России, которой посвящена эта работа, необходимо учитывать всеобщую цикличность цивилизационного

и соответственно социально-экономического развития. При анализе и прогнозировании развития отраслей «неформальной» экономики крайне важен правильный прогноз циклической динамики исследуемых объектов, смены циклов и их фаз, периодически возникающих кризисов. Циклы являются всеобщей формой движения любых систем в природе и обществе. Каждый цикл проходит в своем развитии пять фаз: зарождение в недрах предыдущего цикла; инновационные становления; распространение (диффузия); стабильное развитие (зрелость); вытеснение новой, более прогрессивной системой (кризисная фаза). После этого возможен либо переход системы в новое качественное состояние (очередной цикл в ее динамике), либо распад с сохранением на какое-то время реликтов ушедшей в прошлое системы. [см.:99;144].

Циклы различных цивилизаций не совпадают друг с другом как географически, так и во времени. Каждая цивилизация развивается в своем пространственно-временном историческом цикле и имеет свой характерный, присущий только ей специфический ритм развития общества.

«Неформальная» экономика находится в противоцикле с официальным хозяйством и имеет свои индивидуальные, специфические региональные черты, формирующиеся в различных цивилизационных системах. Ее структура определяется не только экономическими особенностями развития региона, но и сложившимся цивилизационным этническим стереотипом поведения и трансформируется в течение всех периодов развития различных типов цивилизаций.

В период «заката» цивилизации деструктивные процессы охватывают все сферы жизни общества. Распад цивилизации приводит к постепенному разрушению этнического стереотипа поведения, в том числе его экономического архетипа, смещению ценностной шкалы, что непосредственно сказывается на экономике. Если ранее, в период распространения и стабильного развития, негативное поведение в социально-экономической жизни общества воспринималось большинством населения как нарушение допустимых этических норм, то в кризисный период отношение к нему становится в лучшем случае нейтральным, в худшем позитивным. Это, безусловно, ускоряет распад цивилизационной системы в целом.

В ряде случаев экономические негативы возводятся в ранг государственной политики. Так на последней фазе «жизненного» цикла Римской империи император Гай Юлий Калигула ввел налоги на проституцию и планировал выбрать своего коня римским консулом, а император Нерон сам организовал фальшивомонетный промысел. [см.:109]. В этот же период в провинциях империи процветала коррупция, наместники заботились не

столько о пополнении бюджета, сколько о личном обогащении. Это приводило к народным волнениям. Причинами Иудейских войн, помимо этноконфессиональных разногласий стали высокие налоги и коррумпированность римской администрации. Подобные примеры в истории цивилизаций далеко не единичны.

В период начального формирования цивилизации нормы экономического поведения находятся в фазе начального развития, политические и экономические регуляторы пребывают в стадии формирования, так же, как и сам этнический стереотип с его философскими, социальными и культурными парадигмами. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «неформальный» сектор в хозяйственной жизни стабилен, но фактически обусловлен общей степенью незрелости самой цивилизации. В тоже время пассионарность этноса на ранней стадии формирования цивилизации в какой-то степени отвергает уже имевшуюся предыдущую шкалу экономических ценностей, создавая свои собственные экономические нормы и стереотипы поведения. [см.:22;67].

Цикличность проявляется также в сменах общественно-политического строя. В Римском государстве на начальной стадии его цивилизационного цикла существовала деспотическая форма правления (от Ромула до Тарквиния Гордого). Период экономического расцвета римской цивилизации и незначительной доли «неформального» сектора в хозяйственном комплексе совпал с относительно либеральной республиканской формой правления, а на фазе завершения в период экономической стагнации и роста «неформальной» экономики произошел возврат к частичной деспотии (от Гая Юлия Цезаря до Ромула Августула). [см.:67].

В период социально-экономических кризисов, встроенных в систему глобальных цивилизационных циклов, когда наблюдаются общий спад и стагнация в официальных структурах хозяйственных комплексов, мы видим обратную картину в «неформальном» секторе. В нем наблюдается подъем, усложнение структуры диверсификация его отраслей. Это можно определить стремлением любой системы, в том числе и социально-экономической, к состоянию равновесия (**гомеостаза**).

Мировой экономический кризис 2008 года уже привел к тому, что только в странах Европейского Союза доля продаж контрафактной продукции по данным ЕВРОПОЛА выросла на 14%, и имеет устойчивую тенденцию к росту. В тоже время количество криминальных синдикатов увеличилось на четверть. При этом, как утверждают эксперты, криминальные картели формируются уже не по этническим признакам, а являются интернациональными, что определяется глобализацией мировой экономической системы. ЕВРОПОЛ подчеркивает, что в подобных «объединениях» участвуют в среднем представители